

ДЕ ХАЭС (DE HAES) и ГИЙСЕЛС (GIJSELS) против БЕЛЬГИИ

Судебное решение от 24 февраля 1997 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Во время событий, о которых идет речь в данном деле, г-н Лео Де Хаэс и г-н Хуго Гийселс работали соответственно редактором и журналистом еженедельника "Хум".

В июне — ноябре 1986 г. они опубликовали пять статей, в которых обстоятельно и в весьма резких выражениях критиковали четырех магистратов — трех судей и генерального адвоката Апелляционного суда Антверпена за то, что в деле о разводе они вынесли решение оставить детей при отце, некоем г-не Х, бельгийском нотариусе. Жена, тесть и теща г-на Х обвиняли его в инцесте и совращении детей. В статьях, о которых идет речь, указанные судьи и генеральный адвокат были обвинены в пристрастности и попустительстве г-ну Х, чью симпатию к правозэкстремистским движениям они якобы разделяли.

Г-н Х возбудил дело о диффамации, но проиграл его. Упомянутые в статьях судьи и генеральный адвокат предъявили заявителям и некоторым другим сотрудникам еженедельника иск в Суд первой инстанции Брюсселя. Они жаловались, что утверждения г-на Де Хаэса и г-на Гийселса носили оскорбительный и диффамационный характер, и потребовали номинального возмещения ущерба в один франк, а также публикации судебного решения в еженедельнике "Хум" и шести ежедневных газетах за счет ответчиков.

В ходе судебного разбирательства ответчики безуспешно пытались добиться представления документов из досье бракоразводного процесса г-на Х, упомянутых в обжалуемых статьях, в частности отчетов некоторых экспертов о состоянии здоровья детей. 29 сентября 1988 г. суд вынес решение в пользу истцов, указав, что они стали жертвами неоправданных нападок на их честь и репутацию.

Заявители обжаловали это решение, вновь безуспешно пытаясь добиться представления документов и заслушивания свидетелей, чтобы подтвердить истинность содержащихся в статьях утверждений. 5 февраля 1990 г. Апелляционный суд Брюсселя оставил в силе решение суда первой инстанции.

13 сентября 1991 г. Кассационный суд отклонил жалобу заявителей по вопросам права.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Поданная 12 марта 1992 г. жалоба на нарушение статьи 10 (свобода слова) и статьи 6 п. 1 (справедливое судебное разбирательство) была объявлена Комиссией приемлемой 24 февраля 1995 г.

В своем докладе от 29 ноября 1995 г. Комиссия установила факты и выразила мнение, что были нарушены статья 10 (шестью голосами против трех) и статья 6 п. 1 (единогласно).

Комиссия передала дело в Суд 25 января 1996 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

32. Заявители утверждали, что вынесенные против них решения суда первой инстанции и Апелляционного суда повлекли нарушение статьи 10 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

33. По мнению заявителей, судебное решение, несомненно, должно рассматриваться как “вмешательство” в осуществление ими свободы слова. Очевидно, что вмешательство было “предусмотрено законом” и преследовало по крайней мере одну из правомерных целей, о которых говорится в статье 10 п. 2, — защиту репутации или прав других лиц, в данном случае прав судей и генерального адвоката, предъявивших иск.

Суд согласен с этим. Теперь следует установить, было ли такое вмешательство “необходимым в демократическом обществе” для достижения указанной цели.

34. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс подчеркнули, что их статьи вписываются в публичную дискуссию, которая велась и на страницах других газет, о кровосмешении и о том, как судебные власти подходят к данной проблеме. Они провели достаточную подготовительную работу: было запрошено мнение нескольких экспертов, что позволило им строить свои статьи на объек-

тивных доказательствах. Единственная причина, по которой они не представили эти доказательства в суде, состоит в том, что они не хотели раскрывать источники своей информации. Отказ брюссельских судов как первой инстанции, так и апелляционного допустить в качестве доказательства упомянутые документы привел, соответственно, к нарушению статьи 10.

Что касается критики магистратов, она не может служить основанием для наказания только потому, что критические замечания расходились с решениями Апелляционного суда Антверпена. Установление “судебной истины” не означает, что любое другое мнение должно рассматриваться как ложное. Однако именно это и случилось в данном деле, хотя спорные статьи и основывались на достаточно объективной информации. Короче говоря, обжалуемое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе.

35. Комиссия по существу приняла эту аргументацию.

36. Правительство утверждало, что оспариваемые публикации в прессе были далеки от того, чтобы стимулировать дискуссию о функционировании судебной системы в Бельгии, и содержали лишь личные оскорбления, направленные против магистратов Антверпена, а потому не заслуживали повышенной защиты, действующей, когда речь идет о политических взглядах. Журналисты не могут претендовать на иммунитет только на том основании, что достоверность их высказываний не может быть проверена. В данном случае авторы статей понесли наказание за то, что преступили грань допустимой критики. Было вполне возможным возражать против того, как суд рассмотрел дело против г-на X, не прибегая в то же время к нападкам личностного характера на магистратов и не обвиняя их в предвзятости и “отсутствии независимости”. В этой связи следует также иметь в виду, что возлагаемая на служителей правосудия обязанность проявлять сдержанность не позволяет им реагировать и защищать себя так, как это делают, например, политики.

37. Суд подчеркнул, что пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности уважения репутации и права других лиц, тем не менее ее долг состоит в том, чтобы сообщать — любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, — информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес, включая и те, которые относятся к функционированию судебных органов.

Суды — гаранты правосудия, их роль является ключевой в государстве, основанном на верховенстве закона. Поэтому они должны пользоваться доверием общественности и соответственно быть защищены от ничем не обоснованных нападок, особенно имея в виду то обстоятельство, что на судьях лежит долг сдержанности, который мешает им ответить на критику.

В этом вопросе, как и в других, в первую очередь национальным властям надлежит определить необходимость вмешательства в осуществление свободы слова. Однако то, что они могут сделать в этой связи, находится под европейским контролем, охватывающим как закон, так и его применение даже тогда, когда решения выносят независимые суды (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Прагер и Обершлик против Австрии* от 26 апреля 1995 г. Серия А, т. 313, с. 17—18, п. 34—35).

38. Суд прежде всего отмечает, что судебное решение против заявителей было основано на всех статьях о деле X, опубликованных ими в период между 26 июня и 27 ноября 1986 г.

Это должно быть учтено в целях оценки масштабов и необходимости обжалуемого вмешательства.

39. В статьях содержится масса подробной информации об обстоятельствах, в которых принималось решение о том, чтобы оставить детей при отце. Эта информация основывалась на тщательном изучении всех обвинений против г-на Х и мнении нескольких экспертов.

Даже Апелляционный суд Антверпена посчитал, что у жены, тестя и тещи г-на Х, обвиненных в диффамации, “не было основательных причин сомневаться в достоверности фактов”, о которых идет речь (см. п. 8 выше).

Раз это так, то заявителей нельзя упрекнуть в том, что они проявили недобросовестность при исполнении своих профессиональных обязанностей, опубликовав то, что они узнали по делу. На прессе лежит долг сообщать информацию и идеи, представляющие общественный интерес. Ее задаче сообщать такую информацию и идеи соответствует право общественности получать их (см. среди других источников решение по делу *Йерсилд против Дании* от 23 сентября 1994 г. Серия А, т. 298, с. 23, п. 31, и судебное решение по делу *Гудвин против Соединенного Королевства* от 27 марта 1996 г. Reports, 1996-II, с. 500, п. 39). Это особенно справедливо в отношении настоящего дела, учитывая серьезность обвинений, которые касаются как судьбы малолетних детей, так и функционирования системы правосудия в Антверпене. Более того, заявители высказались на этот счет совершенно ясно в своей статье от 18 сентября 1986 г.:

“Прессе не подобает брать на себя роль суда, но в этом вопиющем случае хранить молчание невозможно и немыслимо” (см. п. 21 выше).

40. Более того, следует отметить, что возбудившие дело магистраты ни в суде первой инстанции, ни в Апелляционном суде не попытались поставить под сомнение опубликованную информацию об участии детей г-на Х. Было заявлено только, что указанное дело изъято из производства в судах Антверпена (см. п. 22 и 23 выше). Однако значимость последнего обстоятельства в сравнении с оспариваемыми статьями в целом означает, что данный инцидент сам по себе не может поставить под сомнение серьезность проделанной журналистами работы.

41. По сути дела, судьи и генеральный адвокат жаловались главным образом на нападки личного характера, которым, как они считали, их подвергли в журналистских комментариях по поводу перипетий процедуры, в итоге которой дети остались при г-не Х. Обвинив их в явной предвзятости и трусости, журналисты, по мнению магистратов, позволили себе замечания диффамационного характера, оскорбительные для их достоинства. Кроме того, заявители обвинили двоих из них в неприкрытых симпатиях к ультра-правым, грубо нарушив тем самым право на уважение их частной жизни.

Суды Брюсселя, по существу, подписались под этими утверждениями (см. п. 11 и 14 выше). Апелляционный суд обвинил заявителей главным образом в том, что они выступили с бездоказательными заявлениями по поводу частной жизни магистратов, а также в том, что утверждение о их предвзятости при рассмотрении дела о детях г-на Х имеет диффамационный характер. В судебном решении сказано:

“В данном деле заявители осмелились пойти еще дальше, бездоказательно утверждая, что предвзятость связана с личностями судей и генерального адвоката. Тем самым они вторглись в их частную жизнь, что, без сомнения, противозаконно.

Кроме того, цель настоящего судебного разбирательства не в том, чтобы решить, в чем заключается в конечном счете объективная истина по делу, а лишь в том, можно ли считать рассматриваемые комментарии клеветническими, в чем нет ни малейшего сомнения” (см. п. 14 выше).

42. Суд подчеркивает, что следует проводить четкое различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов можно доказать, тогда как справедливость оценочных суждений нельзя (см. решение по делу *Лингенс против Австрии* от 8 июля 1986 г. Серия А, т. 103, с. 28, п. 46).

43. Говоря о заявлениях относительно политических симпатий некоторых магистратов-истцов, Апелляционный суд Брюсселя указал:

“Даже если апеллянты полагали возможным приписать ответчикам определенные идеологические взгляды (наличие которых у них они не сумели доказать), это не позволяет им в любом случае — даже если бы это было ими доказано — делать отсюда прямой вывод о том, что магистраты не были беспристрастны, и критиковать такую предвзятость публично” (см. п. 14 выше).

Отсюда следует, что, даже если бы утверждения, о которых идет речь, были правильными, заявителям не удалось бы избежать ответственности, поскольку она возлагалась на них не за распространение фактов, а за комментарии, которые они вызвали у журналистов.

44. В дополнение к информации, которую заявителям удалось собрать о поведении г-на Х в отношении своих детей, которая сама по себе оправдывает критику тех решений, которые были приняты судьями и генеральным адвокатом или с их помощью, заявители указали и на политические симпатии магистратов, полагая, что эти симпатии имели определенное отношение к вынесенным решениям.

45. Одно из утверждений по поводу предполагаемых политических симпатий было неприемлемым; оно касалось прошлого отца одного из судей (см. п. 19 выше). Нельзя считать приемлемым, когда человека дискредитируют за то, что произошло с одним из членов его семьи. Санкция оправданна по причине одного такого утверждения.

Однако это был лишь один из эпизодов по данному делу. Заявители были осуждены за всю совокупность обвинений в предвзятости в отношении магистратов, о которых идет речь.

46. В этой связи Суд подчеркивает, что свобода слова применяется не только к “информации” или “идеям”, которые принимаются благосклонно, считаются безобидными или безразличными, но также и к той, которая обижает, шокирует или причиняет беспокойство государству или любой части общества. Кроме того, журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Прагера и Обершлика, с. 19, п. 38).

47. Если взглянуть на вещи в контексте данного дела, то обвинения, о которых идет речь, представляют собой не более чем мнения, истинность которых нельзя доказать по определению. Однако такое мнение может быть преувеличенным, в особенности при отсутствии какой-либо фактической основы, но в данном случае такого не было; в этом отношении настоящее дело отличается от дела Прагера и Обершлика (см. вышеупомянутое решение, с. 18, п. 37).

48. Хотя комментарии г-на Де Хаэса и г-на Гийселса, несомненно, были резко критическими, они тем не менее представляются соразмерными вол-

нению и негодованию, вызванному фактами, приведенными в статьях. Относительно полемичного и даже агрессивного тона статей — чего Суд не одобрил, — следует помнить, что статья 10 защищает не только содержание идей и информации, но также и форму, в которой они выражены (см. вышеупомянутое решение по делу Йерсилда, с. 23, п. 31).

49. В заключение, Суд считает, что с учетом серьезности обстоятельств дела необходимость вмешательства в осуществление заявителями их свободы слова не была доказана, за исключением того, что касается утверждений относительно прошлого отца одного из судей (см. п. 45 выше).

Таким образом, имело место нарушение статьи 10.

II. О предполагаемом нарушении статьи 6 Конвенции

50. Заявители жаловались также на нарушение статьи 6 п. 1, которая предусматривает:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое... разбирательство дела... беспристрастным судом...”

Они, во-первых, критиковали Суд первой инстанции и Апелляционный суд Брюсселя за отказ допустить в качестве доказательств документы, на которых основываются оспариваемые статьи, или заслушать по крайней мере некоторых свидетелей (см. п. 10 и 12 выше). Это, по их мнению, привело к изначальному неравенству между, с одной стороны, магистратами, которые были знакомы с досье, а с другой — журналистами, которые пользовались лишь ограниченным числом источников.

Более того, приводя аргументы против заявителей на основании их статьи от 14 октября 1988 г. (см. п. 24 выше), Апелляционный суд Брюсселя вынес решение *intra petita*, т. к. судьи, критиковавшиеся в этой статье, не были сторонами по делу, в Апелляционном суде, а их решение, вынесенное в первой инстанции, цитировалось неточно. Таким образом, Апелляционный суд основывался на факте, который не стал предметом состязательной процедуры, что явилось нарушением права на защиту.

И последнее, уничижительные выражения в решении Апелляционного суда Брюсселя свидетельствуют об отсутствии субъективной беспристрастности вынесших его судей.

51. Комиссия, по существу, разделила мнение заявителей по поводу последствий предполагаемого нарушения равенства сторон и надлежащей правовой процедуры. Она не сочла необходимым выразить какую-либо точку зрения по поводу беспристрастности Апелляционного суда Брюсселя.

52. Правительство утверждало, что доказательства, которые предлагали представить журналисты, были рассчитаны на то, чтобы поставить под вопрос решения по делу г-на Х и его жены, т. е. *res judicata*. Поэтому суды Брюсселя имели все основания отвергнуть их, считая, что “установленная судом истина” была достаточно ясна из решений, вынесенных по делу г-на Х. Короче говоря, представление доказательств, о которых идет речь, не имело решающего значения по делу, что и подтвердил Кассационный суд.

Что касается ссылки Апелляционного суда на опубликованную в прессе статью от 14 октября 1988 г., то она носила побочный характер, т. к. судебное решение против заявителей исходило из других оснований. Ссылки на эту статью в исковых заявлениях магистратов должны были лишь демонстрировать враждебность журналистов.

53. Суд подчеркивает, что принцип равенства сторон — составной элемент более емкого понятия справедливого судебного разбирательства — требует, чтобы каждой из сторон была предоставлена разумная возможность представить свое дело в таких условиях, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение в сравнении с оппонентом (см. среди других источников решение по делу *Анкерл против Швейцарии* от 23 октября 1996 г. Reports, 1996-V, с. 1565—1566, п. 38).

54. Суд отмечает, что в своих обращениях в Суд первой инстанции Брюсселя и в Апелляционный суд указанные судьи и генеральный адвокат утверждали, что критика в их адрес в еженедельнике “Хум” не соответствует фактам по делу и вынесенным ими или при их помощи четырем судебным решениям по этому делу. Таким образом, отрицая наличие какой-либо основы в аргументации журналистов, они сослались на содержание дела, которое они сами рассматривали, и на соответствующие судебные решения.

Ссылка, исходившая от судей и генерального адвоката, которые участвовали в рассмотрении этого дела, звучала не так убедительно, чтобы ее можно было всерьез оспорить в судах, если ответчики лишены возможности представить хотя бы некоторые относящиеся к делу дополнительные документы или свидетельские показания.

55. В этом отношении Суд не разделяет мнение Апелляционного суда Брюсселя, что требование о представлении документов свидетельствовало об отсутствии осторожности при подготовке заявителями их статей. Забота журналистов о том, чтобы не скомпрометировать свои источники информации, представив документы, о которых идет речь, была правомерна (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу *Гудвин против Соединенного Королевства*. Reports, 1996-II, с. 502, п. 45). Более того, в их статьях содержалось такое количество подробностей о судьбе детей г-на Х и данных их медицинских обследований, что имеются разумные основания предположить, что их авторы располагали по крайней мере некоторой информацией, относящейся к делу.

56. Следует также отметить, что доводы журналистов вряд ли были совершенно необоснованными, т. к. еще до рассмотрения выдержек из их статей Суд первой инстанции Антверпена и Апелляционный суд Антверпена отказали г-ну Х в возбуждении дела о клевете против его жены, тестя и тещи, не увидев для этого оснований (см. п. 8 выше).

57. Во всяком случае судебное дело, возбужденное против заявителей судьями и генеральным адвокатом, не относилось к существу судебного решения по делу г-на Х, а касалось единственно вопроса о том, имели ли в подобных обстоятельствах заявители право выражать свое мнение так, как они это сделали. Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, нет необходимости изучать все судебное досье по делу г-на Х; важны только те документы, которые, вероятно, могли доказать или опровергнуть истинность утверждений журналистов.

58. Именно об этом они и просили Брюссельский суд первой инстанции и Апелляционный суд Брюсселя — ознакомиться с мнением трех учителей, от которых были получены сведения, побудившие заявителей написать свои статьи (см. п. 10 выше). Окончательный отказ удовлетворить их ходатайство поставил журналистов в существенно менее выгодное положение, чем истцов. Таким образом, имело место нарушение принципа равенства сторон.

59. Уже одно это обстоятельство является нарушением статьи 6 п. 1.

Вследствие этого Суд не видит необходимости в рассмотрении других жалоб, предъявленных заявителями на основании этой статьи.

III. Применение статьи 50 Конвенции

60. Статья 50 Конвенции предусматривает:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

A. Материальный ущерб

61. Заявители потребовали 113 101 бельгийский франк в возмещение материального ущерба. Эта сумма соответствует стоимости публикации решения Апелляционного суда Брюсселя от 5 февраля 1990 г. в “Хум” плюс “еще один франк” за публикацию того же самого решения в шести ежедневных газетах, которая еще не состоялась.

62. По этому поводу не поступило никаких замечаний ни от делегатов Комиссии, ни от Правительства.

63. Так как публикация судебного решения была прямым следствием вынесения неправомерного постановления против заявителей, Суд считает данное требование оправданным.

B. Моральный вред

64. Журналисты потребовали также компенсацию в размере 500 тысяч бельгийских франков каждый за моральный вред, причиненный им негативной оглаской и психологическим дискомфортом, которые последовали за их осуждением.

65. Правительство считает, что признание Судом нарушения является достаточной компенсацией морального вреда, понесенного заявителями.

Делегат Комиссии точки зрения не высказал.

66. По мнению Суда, решения бельгийских судов против заявителей должны были вызвать у них определенные неприятные переживания. Однако сам факт признания нарушения Конвенции является достаточным справедливым возмещением морального вреда.

C. Издержки и расходы

67. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс потребовали 851 697 бельгийских франков за издержки и расходы, относящиеся к их юридическому представительству, а именно 332 031 бельгийский франк за процесс в национальных судах и 519 666 бельгийских франков за процесс в учреждениях Конвенции, включая 179 666 бельгийских франков, потраченных на перевод.

68. Замечаний ни от делегатов Комиссии, ни от Правительства не поступило.

69. Соответственно, Суд удовлетворяет это требование.

Д. Проценты за просрочку

70. Согласно имеющейся у Суда информации, установленная законом процентная ставка, которая действовала в Бельгии на дату принятия настоящего судебного решения, составляет 7% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* семью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции;

3. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев 113 101 (сто тринадцать тысяч сто один) бельгийский франк за материальный ущерб и 851 697 (восемьсот пятьдесят одну тысячу шестьсот девяносто семь) бельгийских франков за издержки и расходы, на которые по истечении вышеуказанного трехмесячного периода выплачиваются простые проценты из расчета 7% годовых вплоть до полного расчета;

4. *Постановил* единогласно, что настоящее судебное решение само по себе составляет достаточно справедливое возмещение за понесенный моральный ущерб.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 февраля 1997 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и 55 п. 2 Регламента Суда В к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАТШЕРА

Я не могу согласиться с большинством Палаты в том, что она усмотрела нарушение статьи 10.

Полностью подписываясь под всем сказанным Палатой по поводу свободы слова и, в частности, в отношении значения свободы печати в демократическом обществе, я считаю, что Палата не смогла осознать границ этой свободы, что также весьма существенно в демократическом обществе. И в самом деле, содержащаяся в статье 10 п. 2 ссылка на “обязанности и ответственность”, что является неотъемлемой принадлежностью свободы печати, по-видимому, не имеет большого значения для Суда.

Применяя эти принципы к настоящему случаю, я хотел бы сделать следующие замечания.

Заявители вправе критиковать решение Апелляционного суда Антверпена, оставившего детей при г-не Х, т. к. имевшаяся в их распоряжении

объективная информация оправдывала самую суровую критику такого решения; с учетом обстоятельств дела и вправду правомерно было задаться вопросом: как могли судьи принять такое решение?

В чем я нахожу ошибку в опубликованных прессой статьях, ошибку, за которую заявителям пришлось нести ответственность — хотя и сугубо номинальную, — это необоснованное обвинение судей, вынесших это решение, в том, что они действовали умышленно и недобросовестно из-за своих политических или идеологических симпатий, нарушив тем самым свой долг независимости и беспристрастности, и все это с целью защитить кого-то, чьи политические представления, по-видимому, схожи с теми, что имеются у самих судей. Ничто не оправдывало подобную инсинуацию, даже если бы представлялось возможным установить, придерживались ли эти судьи политических взглядов, о которых идет речь.

В подобных обстоятельствах вмешательство в виде судебного решения, направленного против заявителей, представлялось “необходимым” в смысле статьи 10 п. 2 и не было несоразмерным.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МОРЕНИЛЛЫ

1. К моему сожалению, я не могу согласиться с выводом большинства о нарушении статьи 10 Конвенции в данном случае. По моему мнению, решение бельгийских судов, осудивших заявителей за диффамацию, было необходимым в демократическом обществе и соразмерным в том смысле, как это понимается в статье 10 п. 2.

В оспариваемых решениях Брюссельского суда первой инстанции, Апелляционного суда Брюсселя и Кассационного суда было установлено, что ответчики-журналисты совершили недозволенные действия. С них было взыскано в пользу каждого из четырех истцов — магистратов Апелляционного суда Антверпена — по одному франку за причиненный моральный ущерб и им было приказано опубликовать полностью судебное решение в еженедельном журнале “Хум”, том самом, где ранее, в период между июлем и ноябрем 1986 г., были опубликованы пять статей, критиковавших судебные решения, вынесенные указанными судами, в выражениях, которые судьи посчитали оскорбительными и порочащими их. Истцам было также предписано опубликовать данное судебное решение в шести ежедневных газетах за счет заявителей.

Решения, ставшие предметом разбирательства, были вынесены в ходе бракоразводного процесса, в результате которого Апелляционный суд оставил детей при отце, несмотря на утверждения матери, что он вступил с ними в кровосмесительную связь и дурно с ними обращался.

2. Как и большинство, я придерживаюсь той точки зрения, что оспариваемые решения, несомненно, были равносильны вмешательству в осуществление заявителями их права на свободу слова, включая свободу иметь мнение и право распространять информацию, что воплощено в статье 10 Конвенции. Возможность такого вмешательства предусмотрена статьей 1382 и последующими Гражданского кодекса Бельгии и преследует цель защитить репутацию других лиц — в данном случае судей Апелляционного суда, а также обеспечить авторитет и беспристрастность правосудия; все это законные цели, соответствующие статье 10 п. 2 Конвенции.

3. Необходимость осуждения заявителей, таким образом, является заключительным условием, которому должно удовлетворять вмешательство, чтобы быть в демократическом обществе признанным правомерным в соответствии со статьей 10 п. 2 Конвенции. Это также и единственная причина моего расхождения с большинством, которое сочло, что данная мера не является ни необходимой, ни соразмерной, имея в виду ту основополагающую роль, которую выполняет пресса в государстве, где признается верховенство закона, а также принципиальную уместность критики в адрес функционирования системы правосудия.

4. Однако, с моей точки зрения, статьи, о которых идет речь, помимо критики судебного решения по бракоразводному делу содержали оценки судебной системы Бельгии вообще, политических взглядов членов Апелляционного суда Антверпена, а также высказывания о прошлом отца одного из судей. Я считаю эти комментарии оскорбительными для судейского корпуса Бельгии и диффамационными в отношении магистратов Апелляционного суда. Последних заявители обвинили в умышленном вынесении несправедливого решения по причине дружбы или политической близости к одной из сторон судебного процесса, что равносильно обвинению в злоупотреблении должностным положением.

5. Статья содержит такие, например, выражения:

“Двое детей раздавлены неумолимыми челюстями слепого правосудия. Кровосмешение во Фландрии получает оправдание” или “Большинство судей Третьего отделения Апелляционного суда, которые оставили детей у нотариуса, принадлежат к кругам, близким правому экстремизму. Судья [YB] — сын большой “шишки” в жандармерии, который в 1948 г. осужден за коллаборационизм... Так ли уж случайно, что у генерального прокурора [YJ] такие же политические пристрастия, что и у семейства X” (первая статья от 26 июня 1986 г.).

“Половина Фландрии шокирована столь извращенным правосудием”. “Такого рода система грубого нагнетания давления, по-видимому, очень хорошо срабатывает в рамках нашей системы правосудия”. “Благодаря новым данным перед нами теперь более четкая картина того, сколь часто и как вероломно суды манипулировали делом” (вторая статья от 17 июля 1986 г.). “Главный гарант нашей демократии, независимая судебная система, оказалась подорванной у самого основания” (третья статья от 18 сентября 1986 г.).

“Стыдно, что суды Антверпена отказываются считаться с этими доказательствами” (пятая статья от 27 ноября 1986 г.).

6. Рассматривая жалобу по другому делу (вышеупомянутое решение по делу *Прагер и Обершилик против Австрии* от 26 апреля 1995 г. (Серия А, т. 136), весьма похожему на данное, в результате которого журналист и издатель были осуждены в уголовном порядке за диффамацию судьи, Суд подчеркнул необходимость найти правильный баланс между ролью прессы по распространению информации, представляющей общественный интерес, как-то: функционирование системы правосудия, с одной стороны, а с другой — защита репутации других лиц, “особой роли судейского корпуса в обществе”, где “в качестве гаранта правосудия, основополагающей ценности в правовом государстве, он должен пользоваться общественным доверием, если намерен и далее успешно выполнять свои обязанности” (п. 34).

7. Этот аспект свободы печати не только совместим со свободой слова, но и призван придать ей объективность, соблюдение которой необходимо, чтобы обеспечить правдивость и серьезность информации о функционирова-

нии судебной системы. Как сказал Суд по делу Прагера и Обершлика: “Поэтому может оказаться нужным защитить такое доверие от разрушительных атак, которые в значительной мере необоснованны, особенно имея в виду то обстоятельство, что на судьях, которых подвергли критике, лежит долг сдержанности, что мешает им ответить” (там же).

8. В этом же решении Суд сказал: “Оценка этих факторов принадлежит прежде всего национальным властям, которые пользуются определенной сферой усмотрения при определении наличия оснований и степени необходимости вмешательства в осуществление свободы слова”. Однако установление пределов такой оценки принадлежит европейскому контролю (п. 35). Рассматривая эти вопросы в свете Конвенции, Суд должен принимать в расчет то обстоятельство, что “пресса является одним из инструментов, с помощью которого политики и общественное мнение могут удостовериться, что судьи осуществляют свои нелегкие обязанности в полном соответствии с той целью, которая лежит в основе возложенной на них задачи” (п. 34).

9. С моей точки зрения, решение о том, как квалифицировать упомянутые в оспариваемых судебных решениях выдержки, касающиеся отсутствия беспристрастности магистратов Апелляционного суда Антверпена, относится к сфере усмотрения национальных судов. Допущенные заявителями высказывания были равносильны оценочным суждениям о политических взглядах, о том воздействии, которое оказали эти взгляды и семейное происхождение судей на комментируемые в статьях решения. Такие оценочные суждения нелегко доказать, и они не могут служить оправданием для огульных обвинений, а также злобности и уничижительного характера используемых выражений.

10. Обжалуемые судебные решения имели своим предметом не критику “подлинности” фактов, установленных в ходе бракоразводного процесса, и не законность вынесенных судьями решений, а позорящие заявления, содержащиеся в этих статьях. Однако суды должны были рассмотреть всю совокупность вопросов. Этот дефект, с моей точки зрения, не влияет на осуждение заявителей за диффамацию, т. к. фактически в основе судебного решения лежат содержащиеся в их статьях оскорбительные заявления. Указанный дефект привел к нарушению статьи 6, которое Суд обнаружил единогласно.

11. Я считаю, что оспариваемые решения находятся в соответствии со статьей 10 п. 2 Конвенции, поскольку выражения и заявления, использованные в статьях, подрывают репутацию судей, решавших дело в апелляционной инстанции, а также авторитет и независимость судебной системы.